

Мой сон о дворце Тан был полон ленивой весенней дремоты,
И вот уже кружатся в танце, вздымая подолы платьев.
Шеренги нефритовых туч и алые одеяния, словно заката зарево,
Медленно опускаются, руки бессильно поникли.
Одиноким меч примчался с запада, тысячи скал выстроились рядами, тени демонов
сплетаются повсюду;
Задаю вопрос: зеркало — не подставка для него, Бодхи — не дерево,
Бытие рождается из сердца, разве можно постичь это до конца?
Это демон или не демон? Не демон — и всё же демон!
Судите же об этом, будущие поколения в Цзяньху!
Пока же отложим разговор о героях и красавицах, сначала поведаем о делах расслабленных.
Ветер и гроза — какая бурная решимость!
Легкое дуновение пробуждает очарование даже в холодном инее.
Оплакиваю несравненную красавицу, что до седых волос не увяла;
Обет на века, что не предаст сердечного союза.
Матыгой сажать цветы, длинными стихами скрашивать вино,
Год за годом стихи и мечи неизменно хранят память о тебе.
Там, на вершине Тяньшаня, видишь, как драконы и змеи бегут из-под кисти,
И тушь изливается в Южное море...

.....

Её история началась глубокой осенью сорок третьего года правления Ваньли.

В те времена Чжо Чжунлянь, наместник областей Юньнань и Гуйчжоу, сложил с себя полномочия и возвращался на родину в северную Шэньси. Проезжая по пограничью Сычуани и Шэньси, он подвергся нападению промышлявшей грабежом богатых ради помощи бедным разбойницы по прозвищу Нефритовая Якша — Лянь Нишан, которая отняла у него большую часть имущества.

Сопровождавший караван ученик школы Удан Гэн Шаонань за свою надменность и дерзость лишился двух пальцев на левой руке в качестве наказания, из-за чего Лянь Нишан затаила вражду против школы Удан.

Вскоре после этого при дворе разразилось дело о нападении палками, в ходе которого сын Чжо Чжунляня, помощник министра финансов Чжо Цзисянь, был оклеветан, брошен в тюрьму и там замучен до смерти. Внук Чжо Чжунляня, Чжо Ихан — любимый ученик даоса Цзыяна из

школы Удан, — ворвался в княжеский дворец, разоблачил зловещие замыслы князя Фу и благородной супруги Чжен, добился реабилитации отца и заслужил высокое признание наследника престола Чанло.

Впоследствии Чжо Ихан вместе с прахом отца вез гробы из столицы на родину. Проезжая Хуашань, он познакомился с выдающейся по красоте юной девушкой, и между ними зародилось глубокое взаимное чувство. Однако на следующую ночь Чжо Ихан, участвуя в облаве дворцовой стражи на Нефритовую Якшу, с ужасом осознал, что та самая дневная знакомая и есть Нефритовая Якша. Потрясенные до глубины души, они были вынуждены скрестить мечи друг против друга.

В разгар решающей схватки Чжо Ихан понял, что руководивший облавой на Нефритовую Якшу дворцовый стражник на самом деле оказался маньчжурским лазутчиком, и вместе они одолели толпу врагов. Чуть позже они познакомились с мастером боевых искусств Юэ Минке — военачальником из ставки Ляодунского наместника Сюн Тинби. Лянь Нишан сошлась с ним в поединке на мечах и лишь тогда узнала в нем человека своей школы.

Учительница Лянь — Лин Мухуа — и учитель Юэ — Хо Тяньду — в прошлом были нежно любившей друг друга парой, расставшейся из-за взаимной гордости.

Из предсмертного письма Лин Мухуа Чжо и Юэ узнали, что Лянь Нишан с рождения осталась круглой сиротой: мать умерла, отец бросил, вскормлена волчицей, и лишь на четвёртом году жизни ее подобрал наставник. Характер у нее был суровый, но прямой.

Вскоре после возвращения Чжо Ихана домой его дед Чжо Чжунлянь, не перенеся горя от потери сына, скончался, а спустя немного времени и самого Чжо Ихана по навету бросили в темницу. Узнав об этом, Лянь Нишан явилась на выручку.

После побега из тюрьмы Лянь Нишан столкнулась с великим мастером Цзе Фейлуном. Поначалу они схлестнулись из-за недоразумения, но после Лянь признала его своим названным отцом. Скончался глава Удана, даос Цзыян, завещавший Чжо Ихану пост преемника. В доме Цзе Фейлуна уданские братья вновь встретились с Лянь Нишан, и та вторично разбила даоса Хунъюня — младшего соратника учителей Чжо. Взаимная неприязнь лишь усиливалась.

Мучимый терзаниями Чжо Ихан сослался на необходимость носить траур и добиваться реабилитации, отложив вступление в должность на три года. Похоронив учителя, Чжо Ихан вместе с младшим соратником учителей, даосом Байши, отправился на север с петицией. В горах Суншань в Хэнани он встретился с Юэ Минке, и оба прониклись глубоким уважением друг к другу.

.....

Даосы Байши и Хунъюнь воспрепятствовали встрече Лянь Нишан и Чжо Ихана. Между сторонами завязалась жестокая схватка, в которой даос Байши и его спутники вновь потерпели поражение, а взаимная застарелая вражда стала еще глубже. Чжо Ихан вернулся домой держать траур, а Лянь Нишан, прослышав, что правительственная армия двинулась в Шэньси на подавление бунтовщиков, поспешила обратно.

По дороге она встретила Ли Цычэна и узнала, что ее горная крепость захвачена правительственными войсками, а остатки отряда бежали в Сычуань. Незамедлительно прибыв в Сычуань, она собрала старых сподвижников и вместе с Цзе Шаньху заново основала твердыню в ущелье Минюэя близ Гуанюаня. В то же время двор вновь задействовал Сюн Тинби в качестве ляодунского наместника, однако реальная власть ускользнула из его рук, а

подчиненные, проявив легкомыслие и не слушая приказов, самонадеянно ринулись вперед, что привело к гибели всей армии.

Вэй Чжунсянь воспользовался этим случаем, чтобы расправиться с Сюн Тинби, и послал воинов парчи схватить Юэ Минке. Юэ Минке в одиночку бежал в Сычуань, где в Гуанюане встретил Чжо Ихана и Лянь Нишан, которые спасли его от гибели.

Истек трехлетний срок траура Чжо Ихана, и даосы Хунъюнь и Байши с отрядом учеников прибыли в Шэньси встречать нового главу школы.

Проходя через Гуанюань, Нефритовая Якша похитила Чжо Ихана в крепость Минюэя и открыла ему свое сердце, предлагая объединить судьбы в совместном совершенствовании и постижении боевых искусств. Стесненный предрассудками своей школы, Чжо Ихан не осмелился дать согласие с первого раза.

Узколобые даосы Байши и Хунъюнь, стремясь вернуть Чжо Ихана и отомстить Нефритовой Якше, объединились с правительственными войсками, штурмом взяли Минюэя и сожгли крепость дотла. Почти все женщины-воинницы погибли в бою, а Цзе Шаньху пала от руки Цзинь Дули.

Убив Цзинь Дули, Юэ Минке удалился далеко на Тяньшань, принял монашеский постриг под именем мастера Хуэймина, усердно постигал боевые искусства и стал родоначальником нового поколения великих мастеров Тяньшаньской школы.

Лянь Нишан вместе с Цзе Фейлуном вторично отправилась в столицу, чтобы передать защищавшему границы Юань Чуаньхуану военный трактат О стратегиях Ляодуна, который Юэ Минке спас ценой собственной жизни. Чжо Ихан передал с нарочным весточку для Лянь Нишан, выражая в ней пылкую любовь, и Лянь покинула столицу, направившись на юг к горе Удань.

Вернувшись в горы из Минюэя, Чжо Ихан думал лишь о Лянь Нишан, потеряв рассудок от тоски: кроме боевых искусств, его ничто не волновало.

Формально оставаясь главой школы, он переложил все дела на плечи соратников своих учителей. Озабоченные старейшины возложили всю вину на искушения, которым Лянь подвергла Чжо, объявив ее всеобщим врагом школы.

Когда Лянь Нишан поднялась на Удань, после долгого излияния чувств Чжо Ихан наконец решил отринуть всё и последовать за ней. Но в этот момент четверо его старших соратников разом выставили против Лянь Нишан мечевой строй. В разгоревшейся свирепой схватке небо заволочло тучами, и все четверо уданских старейшин были ранены.

В этот критический момент Чжо Ихан, зажатый между любимой женщиной и долгом перед школой, не зная, как поступить, поддался на уговоры и нанес удар в помощь сражавшимся. Сердце Лянь Нишан было разбито вдребезги: смешались любовь и ненависть. Проснувшись после долгого сна, она обнаружила, что ее волосы стали совершенно седыми.

Она безмерно дорожила своей несравненной красотой и гордилась ею, но кто бы мог подумать, что за одну ночь юная прелестница превратится в седоглавую старуху. Охваченная полным отчаянием и невыносимой болью, она навсегда покинула боевые искусства Центрального Китая и ушла на Южную вершину Тяньшаня.

Однако привычка вызывать мастеров на поединок не пропала: даже удалившись от мира, она

спускалась с гор, чтобы карать зло и сражаться с прославленными бойцами, побеждая каждого. С той пор ее прозвали Белой Ведьмой.

После ухода Лянь Нишан Чжо Ихан обезумел от горя, уподобившись круглому идиоту.

Однажды кто-то внезапно вывел его из забытья, и скопившаяся в сердце тоска извергнулась подобно вулкану. Забыв обо всем, он сломя голову бросился с горы Удань на поиски следов Лянь Нишан. Пройдя через тяжкие испытания, он добрался до Северной вершины Тяньшаня, где уединился мастер Хуэймин, и наконец узнал, что Лянь живет на Южной вершине. Охваченный бураном, он поспешил туда.

Но сердце Лянь Нишан оледенело, и прощать его она не пожелала. Чжо Ихан вернулся ни с чем и с тех пор скитался по просторам Тяньшаня, степей и пустынь, творя благодеяния и взяв в ученики Синь Лунцзы. От Синь Лунцзы Чжо Ихан узнал о легендарном цветке Ююньсянь, способном вернуть белым волосам черный цвет. Но поскольку цветок уже отцвел, требовалось ждать еще шестьдесят лет, и Чжо решил стоять на страже до самого дня его цветения.

Уданский даос Байши вместе с дочерью Хэ Люхуа отправился в Синьцзян искать Чжо Ихана и звать его обратно в горы. В пустыне они столкнулись с врагами, и Байши был схвачен.

Проходивший мимо Чжо Ихан спас Хэ Люхуа, но сам был ранен и отравлен.

Пока Хэ Люхуа ухаживала за раненым Чжо Иханом, подросла Лянь Нишан. Неправильно истолковав увиденное и решив, что Чжо заигрывает со своей смышленной и живой младшей соратницей, она вспыхнула ревностью, гневно развернулась и ушла.

Не имея выбора, Чжо Ихан в одиночку ворвался в логово врага, чтобы спасти соратника учителей, но из-за обилия искусных противников угодил в смертельную ловушку.

В конце концов Лянь Нишан не стерпела мысли о том, что Чжо Ихан идет на верную гибель в одиночку, и с помощью своего непревзойденного мастерства вызволила его и даоса Байши из беды.

Чжо Ихан вновь попытался излить ей душу, но сердце Лянь Нишан ожесточилось до предела. Не слушая никаких объяснений, она упорхнула прочь, предпочитая оставить недосказанность чувств, чтобы они хранили память друг о друге.

Чжо Ихан испустил долгий вздыхающий сток. Волны чувств захлестнули его, горечь поднялась из глубин души. Десятилетия переживаний пронеслись перед его взором: все прошлые дни стояли перед глазами, полные раскаяния и скорби, нежной заботы и горьких недоразумений. Больше всего ранило то, что прошлое ушло безвозвратно, а грядущее было столь неопределенно. Все, что ему оставалось, — это ночь за ночью тосковать в долгой памяти, ожидая дня, когда вновь распустится цветок Ююньсянь...

Лянь Нишан — оставшись совершенно одна на белом свете, опираясь лишь на собственное мастерство боевых искусств, она все же пробила себе дорогу к славе. Ее добрая от природы душа была ошельмована клеймом демона; она, безусловно, была благородной и безудержной воительницей, безумно преданной в любви, но сквозь ее образ неизменно пробивались искры мятежного бунтарства. Она требовала права на собственное счастье и сама вершила свою судьбу.

Одиноко опираясь на тучи, она отражает чистую грусть,

Кто в холодный день поймет ее бесконечные слезы?

Легкое платье приносит с собой заботу издалека,

А осенняя пещера полна невысказанной сердечной тоски.

Отрезвление юного лица, вздох над нежной стыдливостью,

Годы проплыли как вода, а сны — словно шелк.

Отчего же любовь приносит столько путов,

Что за одну ночь черные пряди сменились сединой?

(Эту поэму написал господин Лян Юйшэн, описывая тернистый жизненный путь Белой Ведьмы и вплетая в строки свое глубокое сочувствие. Интересно, смогли ли вы, дорогие читатели, прочувствовать это так же глубоко, как свинка-переводчик?)

.....

Трагическое прошлое порождает легенду дня сегодняшнего. Пересечется ли как-то судьба Лянь Нишан из фильма Запретное царство с ее былым прошлым? Что заставило ее пойти на сделку с легендарным Богом Войны Юйцзяном (Нефритовым Императором)? Читайте дальше.

.....

— Хватит мяться и бормотать, совсем как баба! — недовольно произвела Белая Ведьма.

Внешность стоявшего перед ней мужчины едва ли уступала Пан Аню, однако он весь так имялся и колебался. По всему было видно, что великим человеком он не является, однако ее радовал тот взгляд восхищения, с которым он уставился на ее лицо. Впрочем, радовался лишь тому, что он оценил ее красоту — ведь на свете не сыскалось бы мужчины, способного сохранить хладнокровие при встрече с ней, разве что он вовсе не мужчина. Впрочем, после пережитого с Чжо Иханом она смотрела на мужчин как на пустое место. (Впрочем, на женщин тоже — с ориентацией у нее все было в полном порядке...)

Линь Гофэн смущенно потел: после ее слов он отчетливо понял, что и впрямь потерял над собой контроль. Но воочию столкнувшись с такой ослепительной красавицей, Линь Гофэн повел себя как любой смертный мужской пол — потерял голову безвозвратно. Впрочем, он быстро взял себя в руки, вернулся в нормальное состояние, и в его глазах погасла даже искра эмоций. Как-никак, в реальной жизни Линь Гофэн повидал красавиц не меньше миллиона, причем как одетых, так и совсем без одежды.

Заметив, как быстро Линь Гофэн пришел в себя, Белая Ведьма невольно изумилась. Она снова окинула его долгим оценивающим взглядом и поняла: тот действительно не притворяется искусственным сердцеедом, намеренно ломающим комедию ради привлечения ее гордого внимания, он и вправду успокоился.

— Кхе-мгм! — Линь Гофэн прочистил горло. — Девушка, если у вас есть дело, так говорите. Если мне что-то известно, я непременно поведаю.

Услышав это, Белая Ведьма легко улыбнулась... Ох уж эта улыбка — от нее рушились царства и города! Если бы не стойкость Линь Гофэна, он бы наверняка снова провалился в бездну.

— Хорошо, маленькая девица вопрошает: не доводилось ли господину встречать девушку в черном плаще на белом коне, лет восемнадцати, выдающейся внешности, что едет с юго-востока?

Линь Гофэн призадумался, сложил руки в приветствии и произнес:

— Прошу прощения, девица. Линь, конечно, не благородный муж, но и обманывать вас лишними словесами не намерен. Я поистине не встречал здесь столь прекрасных созданий, как вы. Зато у меня есть закадычный друг, чье искусство гадания безупречно и безошибочно. Быть может, позвольте ему погадать вам?

Белая Ведьма легко соскочила с седла, ее черные одежды заструились по ветру. Перекинув поводья стоявшему рядом мальчику-слуге, она отвесила сдержанный поклон:

— Будьте добры, проведите меня, молодой господин!

Ее белые волосы качнулись на ветру, и волна освежающего аромата коснулась чувств — Линь Гофэн едва устоял на ногах. Собравшись с духом, он виновато улыбнулся и зашагал в таверну.

— Брат Тан, прошу прощения за беспокойство. Будь добр, сделай расклад для этой госпожи...

— Северо-запад, три дня, золотое гнездо охвачено пламенем летящих ласточек — к несчастью, — брови Тан Юя слегка сошлись на переносице. — Госпожа, та, кого вы ищете, находится на северо-западе. Через три дня пути вы неизбежно встретитесь с ней, но этот человек, похоже, замышляет против вас недоброе. Прошу прощения за прямоту, но лучше бы вам не видеться с ней, иначе исход непредсказуем. Боюсь, вас подстерегает смертельная опасность.

— Благодарю! — Белая Ведьма сжала кулаки, не желая терять ни минуты, развернулась и бросилась вниз по лестнице.

— Эй, девица... — Линь Гофэн и Безумец Тан разом протянули руки, пытаясь остановить ее, но та уже умчалась быстрее ветра.

— Брат Тан, как думаешь, эта женщина...

— Не тревожьтесь, молодой господин. Быть может, я излишне перестраховываюсь, и гадание неверно. Но мне кажется, у этой женщины благородный облик: опасности перемешаны с удачей, и она непременно минует беду. Вот только судьба ее витиевата и полна хлопот от рождения до смерти. Судя по линиям ладони, жизнь ее все же закончится в богатстве и почете.

— Ха-ха, — усмехнулся Линь Гофэн. — Брату Тану незачем волноваться. Просто эта девица показалась мне знакомой с первого взгляда, быть может, то веление судьбы...

Про себя же Линь Гофэн подумал: Ли Бинбин ведь! Если бы я ее не знал, это было бы уже мистикой! Впрочем, она наверняка одна из героинь этой истории... Как знать, быть может, отправившись следом, я отыщу путь отсюда наружу.

При этой мысли Линь Гофэн позабыл о всяких там охранных агентствах и поспешно подскочил к Тан Юю, до смерти того напугав.

— Брат Тан, у тебя есть конь?

— Имеется. Если молодому господину нужен, бери без лишних слов.

— Вот и отлично! — Линь Гофэн расхохотался. — Одолжишь мне коня на пару дней, брат Тан?

Тан Юй изумился, никак не ожидал от Линь Гофэна такой прыти:

— Нельзя так, молодой господин! Та девица направляется навстречу испытаниям, которые уготованы ей судьбой. Вам никак нельзя в это вмешиваться, иначе случится беда!

— Пустяки! Не беспокойся, брат Тан, я буду предельно осторожен и стану просто наблюдать со стороны!

Не обращая внимания на протесты Безумца Тана, он крикнул на ходу мальчику-слуге внизу:

— Эй, мальчик, выведи мне коня Безумца Тана, Линь отправляется в путь!

.....

У Линь Гофэна вообще-то был свой конь, но об этом знал лишь его учитель да он сам. Просить коня у Безумца Тана было крайней необходимостью: без лошади Тан Юй ни за что бы за ним не поспел, а Линь Гофэн никак не мог позволить искренне привязанному к нему Тан Юю угодить в опасную переделку. Ради друзей Линь Гофэн был готов пройти сквозь огонь и воду.

Мчась во весь опор по дороге на северо-запад, Линь Гофэн полагался на чутье, несясь туда, куда, по его разумению, могла направиться Ли Бинбин. Быть может, то было веление небес, но после трех дней и двух ночей погони Линь Гофэн и впрямь настиг Ли Бинбин.

— Хе-хе! Мужчины всегда будут сыпать сладкими речами, говоря то, что вы хотите услышать, но в конце концов они оставят вас ни с чем! Разве не так, госпожа Цзинь Яньцзы?!

Белая Ведьма, сжав в правой руке хлыст и придерживая поводья, неспешно кружила на коне вокруг цветочной клумбы. Внутри стояла ослепительная красавица: невинная, но без тени детскости, с бездонными глазами, полными нежности, и соблазнительным станом, на котором, впрочем, то и дело вспыхивали следы гнева.